

Кто покровительствует им!
 Вознаградят его обратно
 Они бессмертием своим».

Эту же мысль о том, что назначение искусств — прославлять «народы», выведенную из «Истории искусства древности» Винкельмана, мы находим в книге П. Чекалевского. Автор перечисляет все произведения русского искусства, какими «Россия ныне по справедливости может славиться. . .» Очевидно, таков был официальный взгляд на государственную функцию искусства.

Затронув тему о моральном воздействии искусства на человека в том плане, в каком понимал ее Винкельман, Державин естественно дает далее образ, обладающий наибольшей силой воздействия на человека, согласно учению немецкого искусствоведа, — образ Аполлона Бельведерского.

Здесь следует провести параллель между высказыванием Винкельмана об Аполлоне и образом Аполлона в стихах Державина:

«Fraget diejenigen welche diese Gottheit gesehen, sich mit dem Gefühl des Schönen diesem Heiligtum genähert, lasset sie die Wirkung des ersten Blickes auf Sinn und Geist beschreiben: ich war in dem ersten Augenblicke gleichsam weggerückt und in den heiligen Hain versetzt und glaubte den gott selbst zu sehen. . .

«. . . Mit Verehrung erfüllt, schien sich meine Brust zu erweitern und aufzuschwellen. . .

«. . . Eine selige Entzückung hob mich mit sanftem Schwingen dergleichen die Dichter der unsterblichen Seele geben und leicht durch dieselben suchte ich mich zum Thron der höchsten Schönheit zu schwingen. . .»¹

«Наполнил грудь восторг священный,
 Благоговейный обнял страх,
 Приятный ужас потаенный
 Течет во всех моих костях;
 В весельи сердце утопает,
 Как будто бога ощущает
 Присутствующего со мной!»

«Sehet! wie er mit mächtigem Schritt, den nichts entgehen kann, den Python seinen Feind verfolgen scheint. . .»

¹ Winckelmans Werke. Beschreibung des Apollo in Belvedere. 1847, Bd. II, S. 323. «Спросите тех, кто видел это божество, кто приблизился с чувством прекрасного к этой святыне, пусть они опишут действие первого взгляда на разум и на душу: я был при первом взгляде словно смятен и перенесен в священную рощу и думал, что вижу самого бога. . . Моя грудь наполнилась благоговением и, казалось, расширилась и увеличилась. . . Священный восторг поднял меня на нежных крыльях, подобных тем, какими поэты наделяют бессмертную душу, и я стремился подняться на них к престолу наивысшей красоты. . .»